

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ МОТИВА И ЦЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИИ НА КВАЛИФИКАЦИЮ ГРАБЕЖА ИЛИ РАЗБОЙНОГО НАПАДЕНИЯ

Анализ следственно-судебной практики показывает наличие существенных теоретических и практических проблем, связанных с установлением и доказыванием субъективных признаков состава преступления в преступлениях против собственности¹. Ошибки в квалификации насильственных хищений обусловлены, прежде всего, неверной оценкой мотива и цели преступления. По данным О. С. Капинус, доля приговоров и кассационных определений, отмененных или измененных из-за неустановления или неверной оценки мотива и цели преступления, составляет 14 % от общего числа отмененных или измененных судебных решений по уголовным делам².

Мотив и цель являются понятиями взаимообусловленными, но их нельзя отождествлять или подменять одно другим, поскольку они характеризуют различные стороны волевого процесса. Как пишет И. И. Тазин, это самостоятельные элементы преступления, которые не могут совпадать³. Мотив отвечает на вопрос, зачем человек совершает те или иные действия, тогда как цель определяет направление деятельности и результат этой деятельности. Цель не возникает без мотива, но и мотив, как и весь волевой процесс, получает свое содержание благодаря цели вследствие той конкретной деятельности, в которой эта цель находит свое воплощение.

Теоретические сложности определения содержания понятия «мотив преступления» сопровождаются проблемой практического установления мотивов конкретных преступлений, поскольку о них можно судить только по внешним проявлениям. Но и внешние проявления в насильственных хищениях бывают многозначными, что затрудняет задачу установления истинного мотива поведения. В таких случаях следует учитывать положения общей психологии о полимотивации, множественности целей и мотивов, в соответствии с которыми стремление к достижению одной цели может быть обусловлено действием разных мотивов, равно как и наоборот — один мотив может определять достижение разных целей. В. Н. Кудрявцев отмечает, что решение совершить общественно опасное деяние зачастую сопровождается не одним, а несколькими побуждениями, смешанными (конкурирующими) мотивами, которые могут в какой-то мере дополнять, а в отдельных случаях и видоизменять основной мотив, усиливать его побудительное значение. «В этот многомерный психологический процесс, — пишет он, — могут вплестаться и противоречивые тенденции, менее привлекательные мотивы неосознанно подменяются другими — более привлекательными»⁴.

В научной литературе предпринимаются попытки изменить приведенное в примечании 1 к ст. 158 УК РФ определение хищения. При этом подвергается сомнению указание в этом понятии на корыстный характер хищения⁵. Критики этих идей сходятся во мнении, что существующее доктринальное понятие «хищение» наиболее точно отражает сущность явления, хотя оно применимо не ко всем случаям хищений (похищение человека, хищение оружия, наркотических средств, ядерных материалов)^{6; 7}.

Не вдаваясь в научную полемику, заметим, что для квалификации деяния как хищения чужой собственности обязательно должна быть установлена корыстная цель⁸. Ее отсутствие или недоказанность (например, хищение имущества не с целью его обращения в свою пользу или в пользу других лиц, а с целью его уничтожения) исключает ответственность за хищение, и деяние должно квалифицироваться как умышленное уничтожение имущества.

На необходимость учета цели завладения имуществом при квалификации деяния указывает и Пленум Верховного Суда⁹. Пленум в пункте 7 разъяснил, что в тех случаях, когда незаконное изъятие имущества совершено при хулиганстве, изнасиловании или других преступных действиях, необходимо устанавливать, с какой целью лицо изъяло это имущество. Если лицо преследовало корыстную цель, содеянное им в зависимости от

способа завладения имуществом должно квалифицироваться по совокупности как соответствующее преступление против собственности и хулиганство, изнасилование или иное преступление.

Важным моментом, характеризующим субъективную сторону при хищении, является предвидение размера причиненного ущерба, которое основывается на количестве похищенного, его качественных характеристиках, рыночной стоимости единицы соответствующего имущества. Если субъект не может конкретизировать последствия своего преступного поведения, представляет их в общем виде, его действия следует квалифицировать по фактически наступившим последствиям.

В соответствии с п. 25 Постановления от 27 декабря 2002 г. № 29, если при совершении грабежа умысел виновного был направлен на завладение имуществом в крупном или особо крупном размере, но не был осуществлен по не зависящим от виновного обстоятельствам, содеянное надлежит квалифицировать как покушение на грабеж или разбой с данными квалифицирующими признаками независимо от количества фактически похищенного¹⁰.

Как видим, в рамках субъективной стороны состава хищения чужой собственности корысть выступает целью, то есть предвосхищаемым результатом, моделью потребного виновному будущего, тогда как побудительной силой для достижения этой цели может быть любой мотив, например, месть, зависть и др. В. С. Устинов справедливо полагал, что вызвать решимость лица совершить хищение могут и некорыстные мотивы, к каковым он относил зависть, стремление проявить смелость, самостоятельность, испытать риск, солидарность, ложное чувство товарищества, следование примеру, желание оказать помощь и др.¹¹ Справедливость такого суждения обнаруживается, если мотив рассматривать как влечение, желание, стремление или интерес субъекта, то есть если рассматривать мотив как осознанное побуждение¹². Кроме того, следует учитывать и то, что мотивы могут иметь не только осознанный, но и подсознательный (неосознанный) характер¹³, что еще больше усложняет задачу научного решения проблемы природы мотива. В целом, следует согласиться с мнением авторов, считающих, что в науке уголовного права нет единства мнений о природе мотива преступления ввиду того, что эта проблема многоаспектна и находится на стыке многих наук (психологии, философии, социологии, права и др.)¹⁴.

В практической деятельности в системе смешанных (конкурирующих) мотивов достаточно сложно выделить ведущий (доминирующий) мотив, определивший принятие решения о совершении преступления, на чем настаивает Верховный Суд РФ¹⁵. Но в ситуациях неопределенности, по мнению В. А. Боруленкова, практика идет по пути упрощения^{1, 30}. А наиболее эффективным способом упрощения является презумпция, под которой принято понимать положение, устанавливающее наличие фактов или событий без полного доказательства их существования. «Презумпции — это вариант действий “по умолчанию”», — пишет К. Б. Калиновский¹⁶. К числу наиболее распространенных в практике, по мнению И. И. Тазина, относится триада мотивов-презумпций: «корысть, личная неприязнь, хулиганские побуждения», в соответствии с которой происходит приписывание мотива личности виновного, исходя из характера совершенного им преступления^{3, 134}. Естественно, что данные мотивы-презумпции не охватывают и не могут охватывать всего диапазона реальных внутренних побуждений личности. Но в случаях, когда при доказанности совершения преступления конкретным лицом мотивы его действий установить невозможно или от следователя (дознателя) требуются специальные познания в области психологии, то использование мотивов-презумпций становится «палочкой-выручалочкой».

В других ситуациях при невозможности доказать мотив практика идет по пути снижения объема обвинения, меняя квалификацию деяния. Так, при недоказанности корыстного мотива при убийстве по найму содеянное будет квалифицировано по ч. 1 ст. 105 УК, а не п. «з» ч. 2 этой статьи. Чтобы вменить корысть или наем, их нужно доказать. А если доказать не удастся, то, по логике законодателя и практике Верховного Суда, такое уголовное дело в суд направлять нельзя, даже если виновность в самом убийстве доказана. Такое решение может устраивать и сторону защиты, и сторону обвинения, хотя оно не соответствует закону и принципу справедливости. Но и другого выхода в подобных ситуациях тоже найти сложно. Отчасти по этой причине в научной литературе выражается критическое отношение к сложившейся в советские времена практике установления мотивов преступления. По мнению некоторых авторов, требование обязательного их установления приводит к неоправданному

расширению пределов исследования личности обвиняемого¹⁷. Есть предложение заимствовать европейский опыт и придерживаться принципа «безразличия мотивов», когда для целей квалификации мотив не имеет значения¹⁸. В практике английского судопроизводства вина (а соответственно, и мотив преступления) не является обязательным признаком преступления^{1, 31}.

Действительно, субъективизация уголовного судопроизводства не только ставит задачи, которые современные средства юридического познания не позволяют решить, но и формулирует признаки преступного деяния, установление которых всецело зависит от субъекта их оценки. Следует согласиться и с тем, что неустановление мотива преступления не должно быть препятствием к осуждению лица за преступление, в диспозицию которого не включен мотив как квалифицирующий признак преступления. Однако и отказаться от требования устанавливать мотив преступления тоже не следует хотя бы потому, что установление факта наличия мотива преступления есть косвенное доказательство совершения преступления¹⁹. И все доказательства, касающиеся установления мотива преступления, будут относимыми к делу. Кроме того, установление мотива, как и цели, даже если диспозиция уголовно-правовой нормы их и не предусматривает, должно быть обязательным, поскольку они могут являться обстоятельствами, смягчающими или, наоборот, отягчающими ответственность, и позволят индивидуализировать наказание. Что касается цели преступления, рассматриваемой в науке в качестве мысленной модели будущего результата, к достижению которого стремится лицо при совершении преступления, то ее доказывание обязательно в составах, где она является конструктивным признаком. Например, по делам обо всех видах и формах хищений, согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ, цель должна быть обязательно доказана, хотя в самих статьях такая цель и не содержится^{6; 7, 297}. В разбое требуется доказать не только сам факт нападения, но и цель такого нападения — хищение чужого имущества. Если нападение совершено не с целью хищения, а, например, с целью причинения вреда здоровью, то содеянное не может быть квалифицировано как разбой.

Но и в других статьях УК цель прямо указана в диспозиции статьи, что также требует точного ее установления. Так, в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в качестве обязательной для доказывания указана цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение, в п. «м» ч. 2 ст. 105 и п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ названа цель убийства или причинения вреда — использование органов или тканей потерпевшего. Статья 205 УК («Террористический акт») в качестве обязательного признака предусматривает цель воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями; ст. 209 УК РФ («Бандитизм») — цель нападения на граждан или организации и др.

Таким образом, преследуемая лицом цель так же, как и мотив его преступного поведения, должна устанавливаться и доказываться независимо от того, имеют они или нет значение для квалификации.

-
- 1 Боруленков Ю. П. Мотив как элемент предмета доказывания // *Мировой судья*. — 2013. — № 2. — С. 28–32.
 - 2 Капинус О. С. Убийства: мотивы и цели. — М., 2004. — С. 59–60.
 - 3 Тазин И. И. Процессуальные средства установления и доказывания мотивации преступного поведения // *Вестник Томского государственного университета. Общественно-научный периодический журнал*. — 2011. — Февраль. — С. 135.
 - 4 Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. — М., 2007. — С. 69.
 - 5 Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. — СПб., 2000. — С. 230–232; Голикова А. В. Признаки хищения в Уголовном кодексе Российской Федерации // *Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации* / Отв. ред. Б. Т. Разгильдиев. — Саратов, 2002. — С. 42; Степанов М. В. Уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против собственности (теоретико-прикладной анализ): Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2005. — С. 10; Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. — М., 2000. — С. 102–111.
 - 6 Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: Монография. — М., 2012. — С. 118.
 - 7 Бойцов А. И. Преступления против собственности. — СПб., 2002. — С. 253–254
 - 8 Вакула М. М. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия грабежу: Дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2005. — С. 10.
 - 9 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 23 декабря 2010 г.) // *Российская газета*. 2003. 18 янв.
 - 10 Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 2.
 - 11 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. А. Чекалин. — М., 2002. — С. 373.
 - 12 Музюкин А. П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение: Монография. — М., 2012. — С. 13.
 - 13 Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. — СПб., 2003. — С. 139.
 - 14 Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. — М., 1991. — С. 48; Петелин Б. Я. Доказывание мотива и цели преступления на предварительном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1979; Его же. Установление мотива и цели преступления / Под ред. А. Р. Рагинова. — М., 1971; Волков Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения. — Казань, 1975; Соколова О. В. Уголовно-правовой аспект мотивации преступного поведения и проблемы доказывания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2002; Складов С. В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — С. 12.
 - 15 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 // *Российская газета*. 1999. 9 фев.
 - 16 Калиновский К. Б. «Право презумпций» — стратегия развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // *Стратегии уголовного судопроизводства: Сб. материалов науч. конф.* — М., 2008. — С. 92.
 - 17 Александров А. С., Фролов С. А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: Монография. — Н. Новгород, 2011. — С. 68–93.
 - 18 Наумов А. В. Понятие мотива по уголовному праву Англии и США // *Правоведение*. — 1967. — № 3. — С. 135.
 - 19 Уильз У. Опыт теории косвенных улик: признаки, обстоятельства, примеры / Пер. с англ. (1864 г.) / Предисл. А. М. Унковского. 2-е изд. — М., 2012. — С. 45.